

В ОДНО КАСАНИЕ

З

ОТОВА отчислили одновременно со мной после второго курса Школы-Студии МХАТ. Его, как все считали, несправедливо. Что очень скоро и подтвердилось: Зотов поступил в училище при Малом театре.

Мне же настолько неловко было перед всем миром за неудачу на актерском поприще, что я как зритель был с тех пор в театре считанные разы.

Я, выходит, любил себя в искусстве, а не наоборот?

Правда, в той выпавшей мне затем жизни, с которой никак толком не разберусь: прошла она или так и не начиналась — я оказался достаточно искушенным в самооправданиях, чтобы и Станиславского с его системой упрекнуть в известной схематичности (хотя жизнь в своем главном сюжете схематичнее всякой из кажущихся спасительными систем).

Есть в стихах у Шпаликова строчка: «...имел в любви большие неудачи». Я теперь намного старше, чем был Гена, когда это написал, и рискнул бы возразить ему, что в любви нет неудач или тем более удач. Как нет, в сущности, иерархии, если отрешиться от суеты. Но каким же образом от нее отрешиться — кто на подобное отрешение способен?

Воображаемый предмет

Нам, первокурсникам, постоянно задавали упражнения с воображаемыми предметами. Однажды Ефремов сказал:

— Зотов! У вас в руках кусок угля!

— Дровесного или каменного? — нахмурился Зотов.

Ефремов приходил на занятия с нами после ночных репетиций. Он как бы стер с лица паутину усталости, взглянул на дотошного студента глазами, погрузневшего от предчувствия ожидавшей того судьбы, и скорее попросил, чем посоветовал: «Зотов! Когда я предлагаю этюд, то хотел бы слышать от вас: с удовольствием! — и только!»

Долгие годы я рассказывал этот эпизод как однозначно поучительный.

Припоминаю, что Зотова собирались пригласить в «Современник», и Ефремов даже смотрел какой-то дипломный спектакль в Щепкинском училище, но в итоге мой бывший однокашник стал артистом театра Ермоловой, и никаких попыток изменить свою судьбу, насколько я знаю, не совершал. Отзывались о нем все, кого я ни спрашивал, неизменно хорошо. Но никто никогда не удивлялся тому, что в первачи он не выбился.

При наших редких и всегда случайных встречах я с невольной завистью к его по-прежнему тяжелому характеру (все же мы худо-бедно обучались искусству располагать к себе людей) замечал, что совету Ефремова он не внял, и задания, не прочувствованные им, никогда не будет выполнять с удо-

вольствием. И в театре, где, по мнению Вахтангова, главный талант — это умение увлечь себя очередной задачей, резкому, упрямому и категоричному в своих неожиданных пристрастиях Валерию Зотову рассчитывать на счастливую жизнь не приходится.

Как-то в самом начале шестидесятих годов мы пили с Зотовым пиво в буфете гостиницы «Москва» и я почему-то спросил его, что бы он стал делать, зарабатывая он много денег? Он ответил: одевался бы хорошо. Я вспомнил об этом, встретив его в конце восьмидесятих, и подумал, что вряд ли кто-нибудь из окружающих его сегодня людей догадывается о несбывшемся желании Зотова — и вообще задумывается о странной природе его артистизма.

За прошедшие с поры моей незадачливой учебы в театральной школе годы, я встречал Ефремова не чаще, чем Зотова. И всегда встречи с ним словно заставляли меня врасплох — и я чувствовал смущение и растерянность, говорил какие-то глупости, а если бывал выпивши, то впадал в многословное косноязычие, что-то пытался ему втолковать, объяснить, что-то непрошено обещал, намекал на какие-то скрытые во мне возможности (может быть, то самое искусство в себе, которое рекомендовал любить Станиславский, в коем я разуверился раньше, чем попытался понять?).

Если при встречах с Зотовым, живущим на актерское жалованье, мне неловко делалось за свое относительное к его положению процветание в цехе, где платят все-таки побольше, то столкнувшись невзначай с великодушным Олегом Николаевичем Ефремовым, во всем безоговорочно преуспевающим, я испытывал жгучий стыд за то, что остался там, где он меня оставил, — и по-прежнему тщетно разжигая свое воображение в бесконечных этюдах, напоминая зачастую сам себе Зотова, допытываясь неизвестно у кого: дровесный или каменный уголь у меня в руках, когда на самом-то деле, скорее всего, пришел я сюда с пустыми руками.

Всю жизнь мне хотелось чем-нибудь поразить Ефремова — доказать ему, что он зря во мне тогда разочаровался. Недавно я узнал, что он снисходительно похвалил меня, мелькнувшего в телепередаче. Но душа высохла от ожиданий — и ничего в ней уже не шевельнулось. А вот дошедшая до меня с большим опозданием похвала Зотова какой-то моей заметке вдруг вселила надежду, что не все еще потеряно. Что жизнь мою можно объяснить, рассказав, что я в равной степени завидую и Ефремову, и Зотову.

Александр НИЛИН.